

Эффективность использования ренты и качество институтов в странах мира

Н.И. СУСЛОВ, доктор экономических наук, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск.
E-mail: nsus@ieie.nsc.ru

В данной статье обсуждаются проблемы эффективности использования ренты, создаваемой в нефтегазовом секторе в различных странах мира. Исследование основывается на эконометрическом анализе статистических данных, предоставляемых Всемирным банком. Мы подтверждаем, что рента дает сильный импульс развитию экономики. Вместе с тем в странах, где качество институтов изначально лучше, эффект от использования ренты выше. Очевидно, больше выигрывают те страны, в которых рента инвестируется, особенно в сектор экономики знаний и человеческий капитал. Мы также находим свидетельства того, что приток ренты может воздействовать на качество институтов, причем как улучшать их, так и консервировать институциональное развитие.

Ключевые слова: рента нефтегазового сектора, система регрессионных уравнений, эффективность, качество институтов, голландская болезнь

Нефтегазовая рента и проблема «ресурсного проклятия»

Добыча и использование нефтегазовых ресурсов в национальной экономике и других странах – одна из самых обсуждаемых проблем, как в российской, так и зарубежной научной и экспертной литературе. Наряду с внутренними аспектами развития нефтегазового сектора внимание исследователей привлекают вопросы, связанные с направлениями и эффективностью использования добываемого или импортируемого углеводородного сырья – для целей переработки с получением моторных топлив, широкой гаммы нефтехимических продуктов, которые далее могут потребляться внутри этих стран, а могут вывозиться и быть основой получения экспортной выручки. Страны, обладающие значительными запасами нефти, газа или обоих ресурсов, во многих случаях залегающих на одних и тех же территориях, часто экспортируют их в виде сырья.

Главной выгодой от добычи нефти и газа является природная нефтегазовая рента, измеряемая как сумма выручки за минусом полных издержек (включающих также некий норматив прибыли на ее добычу и транспорт до потребителей). Этот реальный ресурс может быть инвестирован в развитие экономики или увеличивать текущее потребление. Как показывает международный опыт, при эксплуатации нефтегазовых ресурсов в большей степени выигрывают те страны, которым удастся использовать получаемые выгоды для создания и улучшения производственного аппарата, инфраструктуры, но особенно – человеческого и социального капитала, развития системы институтов [1]. При плохих условиях внутри страны рента может вывозиться и способствовать развитию других экономик, что, как правило, сопровождается обогащением элит, причастных к ее распределению. Появление и накопление ренты также может усиливать неравенство, бюрократизацию управления страной, консервацию неэффективной структуры экономики.

Литература в основном обращает внимание именно на «ресурсное проклятие» – негативные аспекты распределения и использования природной ренты, получаемой от эксплуатации «концентрированных природных ресурсов», к которым и относятся, прежде всего, запасы нефти и газа. При этом после ряда работ середины 2000-х гг. никто уже не разделяет точку зрения о том, что какое-то отношение к жизни имеет так называемая гипотеза «ресурсного проклятия в сильной версии», предполагавшая, что добыча углеводородов может заметно и негативно отражаться на темпах экономического роста, консервируя или даже блокируя развитие экономики. Современный взгляд на данную проблему характеризуется как гипотеза «ресурсного проклятия в слабой версии», суть которой состоит в том, что страны с плохими институтами используют природное богатство хуже, чем другие виды капитала, и эти процессы усугубляет низкое качество институтов и/или человеческого капитала. Слабая версия данной гипотезы совместима также с предположением о том, что чрезмерное природное богатство может отрицательно влиять на качество институтов из-за обострения борьбы за ренту, ослабления контроля государства за выполнением законов и качеством образования.

Из последних публикаций на тему «ресурсного проклятия» отметим книгу В. В. Шмата [2], посвященную проблемам развития нефтегазового сектора. Придерживаясь взглядов, близких к хорошо известной теории колониального происхождения институтов [3], он настаивает на том, что колониальная зависимость «третьего мира» от «первого мира» после провозглашения независимости бывших колоний никуда не делась. По его версии, в пользу которой он приводит достаточно убедительные доводы, плохие институты, доставшиеся им от бывших метрополий, продолжают и сегодня поддерживать извлечение ренты крупнейшими международными корпорациями, которые работают в этих странах «на условиях СРП или в рамках совместных предприятий с ННК, которые были образованы в 1970-х годах и формально обладают всеми правами на ресурсы» [2. С. 420]. Такой взгляд, безусловно, интересен с научной точки зрения, хотя и не слишком нов, если взглянуть на литературу, выходящую за рамки круга работ, посвященных непосредственно данной проблеме.

Для анализа воздействия природного богатства на экономическое развитие стран используются статистические методы – построение регрессий, которые при соблюдении определенных достаточно жестких правил позволяют выявлять значимые причинно-следственные связи в экономике. Отдельная регрессия включает оцениваемую переменную – левую часть уравнения – и переменные-регрессоры, располагающиеся в правой части уравнения и представляющие факторы, которые подозреваются в воздействии на переменную в левой части. Также правая часть включает случайную переменную, которая аккумулирует воздействие всех неучтенных факторов, предположительно и желательного носящих случайный характер. В качестве фактора природной обеспеченности на практике используются переменные запасов природных ресурсов, их стоимостной оценки, душевого годового производства, экспорта и импорта, рентного дохода от их эксплуатации – тоже на душу. Мы в данной статье исследуем в первую очередь именно **проблемы эффективности использования ренты** и лишь попутно затрагиваем вопросы «ресурсного проклятия». По этой причине регрессионные уравнения строятся с использованием показателя душевого производства нефтегазовой ренты в качестве одного из регрессоров.

Эффективность использования ренты неодинакова в разных странах

Для эмпирического анализа выбран 2010 г., когда один кризис уже закончился, а другой еще не начался; не пришла еще и «арабская весна», не выплеснул свое возмущение украинский народ, что привело к гражданской войне и кризису отношений между двумя цивилизациями. Этот год удобен еще и тем, что не слишком далеко во времени отстоит от сегодняшнего печального дня. В общую выборку попали 132 экономики со всех континентов, из них 91 страна добывает нефть или газ (либо то и другое). Данные о ВВП на душу населения, рассчитанные по паритету покупательной способности (т. е., можно сказать, в ценах США), и о нефтегазовой ренте (также душевые) взяты из базы данных Всемирного банка, называемой «Индикаторы». Индексы качества институтов, а конкретно индекс «Верховенство закона» (назовем его индексом законности и правопорядка), который мы считаем ключевым, почерпнут из другой базы той же организации – World Governance Indicators. Этот индекс, на наш взгляд, лучше всего отражает состояние системы институтов: справедливый суд и арбитраж, качество законодательства, защита прав инвесторов оказываются важнее экономической свободы. Кроме того, использованы еще несколько показателей, играющих вспомогательную роль.

Модель, которая стала основной, включает две регрессии, оцениваемые одновременно, т. е. как система уравнений. Надеемся, что это позволило смягчить проблему эндогенности регрессоров¹ институциональной переменной к душевому доходу. Первое уравнение – для объяснения ВВП на душу населения – включает следующие регрессоры: ренту на душу населения, ренту в комбинации с индексом институтов (т. е. их произведение), называемую интерактивным членом, и уровень внутренних цен относительно США². Уровни душевых доходов и ренты также были нормированы к душевому ВВП в США, принятому за единицу. Второе уравнение оценивает ценовую переменную (левая часть) от интерактивного члена, индекса институтов и бинарной переменной, которая имеет значения единицы для стран-членов Организации экономического сотрудничества и развития, но без новых членов – бывших стран социалистического лагеря – и нули для всех других стран.

---

¹ Проблема эндогенности регрессоров или одновременности – одна из самых неприятных в эконометрическом анализе. Она возникает, когда какой-либо из регрессоров не только воздействует на оцениваемую переменную, но и зависит от нее. При этом получаемые оценки коэффициентов могут оказаться смещенными и несостоятельными [4].

² Соответствует также понятию реального обменного курса национальной валюты.

Включение в спецификацию данной переменной позволяет оценить значимость фактора высокой репутации развитых стран для котировок их национальных валют, от которых зависят уровни цен в экономиках. Модель одинаково хорошо работает как для полной выборки, так и для включающей только производителей нефти или газа. Результаты их оценивания очень близки как по значениям коэффициентов регрессии, так и по значимости. Вместе с тем в системе регрессий без стран, не производящих ренту, общая значимость первого уравнения для уровней дохода оказалась несколько выше, чем в модели для всей выборки. Поскольку цель нашего анализа в большей степени связана с оценкой воздействия ренты именно на доход и только во вторую очередь – на уровни цен, мы предпочли для расчетов именно эту модель. Таким образом, мы имеем два регрессионных уравнения, т. е. систему:

$$\begin{aligned} yppp &= 1,87 \cdot rent + 0,51 \cdot rent \cdot rula + 0,95 \cdot price + 0,09 \cdot drus - 0,27 \\ &\quad (***)\quad (***)\quad (***)\quad (***) \\ price &= -0,31 \cdot rent \cdot rula + 0,16 \cdot rula + 0,27 \cdot doec + 0,08 \cdot drus + 0,55 \\ &\quad (**)\quad (***)\quad (***)\quad (***) \end{aligned}$$

Трехшаговый метод наименьших квадратов для оценки систем уравнений

Здесь *yppp* – душевой ВВП по ППС, *price* – уровень цен в данной экономике относительно США (реальный обменный курс национальной валюты), *rent* – объем ренты на душу населения, измеренный в единицах дохода США, *rula* – индекс законности и правопорядка, *doec* – бинарная переменная для старых членов ОЭСР (т. е. включающая единицы для этих стран и нули – для всех других), *drus* – бинарная переменная для России. Звездочки в скобках под коэффициентами корреляции указывают на уровень значимости конкретных объясняющих факторов. Если их три, то уровень значимости очень высок (вероятность, что гипотезу о наличии причинно-следственной связи нельзя отбросить, составляет не более 1%), если их две, то ниже, но все равно высок (вероятность – не более 5%). Если звездочек нет, то воздействие данного фактора незначимо, и включение его в спецификацию необязательно. Тем не менее мы включили бинарную переменную для России, которая незначима в регрессиях, но не искажает другие коэффициенты и при этом позволяет повысить точность расчетов именно для нашей страны. Общий уровень значимости регрессий также оказался высок, и аналоги коэффициента детерминации для наших уравнений достигли 0,82 и 0,68, что редко удается для перекрестных данных.

Для использования системы именно из двух уравнений есть несколько причин. Первая – это то, что одним из проявлений проблемы, получившей столь неудачное название «ресурсного проклятия», является «голландская болезнь», предполагающая завышение реального обменного курса национальной валюты по сравнению с неким равновесным уровнем. Такое явление возможно, если в страну приходит много иностранной валюты, а условия для ее использования не слишком благоприятны, и одновременно политика монетарной власти не справляется со стерилизацией этих

денег. Вставляя уравнение для уровня внутренней цены, мы можем проверить, как на него воздействуют рентные доходы.

Вторая причина – предположение о том, что качество институтов не только способствует росту ВВП, но также может повышать и котировки национальной валюты, подтягивая вверх внутренние цены. Такое двойное воздействие мы и попытались принять во внимание в нашей модели. Наконец, третья причина – техническая. Так мы пытаемся смягчить проблему эндогенности как институтов, так и цены к доходу. Во всяком случае, это лучше, чем использовать индекс институтов непосредственно в уравнении для реального душевого ВВП.

Впрочем, наш подход все равно, видимо, в чем-то уязвим для строгой критики. Всякий, кто применяет эконометрику в своей работе, наверное, согласится с нами: не бывает идеальных регрессий. Бывают регрессии хорошие, а также плохие и очень плохие. Есть и еще одна категория, к сожалению, распространенная в российской экономической литературе – регрессии, не имеющие отношения к регрессионному анализу, например, основанные на трендовых переменных. Вместе с тем выскажем, вероятно, рискованное личное мнение по данному вопросу: **экономическое исследование, не подкрепленное достаточно убедительным эконометрическим анализом, остается в некотором смысле неполноценным.**

Комбинация из переменной ренты и интерактивного члена в регрессии для уровней дохода позволяет оценить эффективность использования рентных доходов в рассматриваемых государствах. Рентный доход, взятый сам по себе, как и следует ожидать, обнаруживает очень сильную положительную связь с доходом. Чем больше рента в нефтегазовом секторе, тем лучше для государства и общества: каждый доллар, созданный в нефтегазовом секторе средней экономики, добавляет 1,86 долл. к ВВП. Но это, повторяем, в среднем. Интерактивный член – произведение рентной и институциональной переменных – корректирует данную связь для конкретных стран.

Институциональная переменная законности и правопорядка определяется экспертами и работниками Всемирного банка по очень развитой методологии, позволяющей уменьшить субъективную составляющую, и принимает во внимание множество факторов, характеризующих практику разработки и, что важно,

применения законодательства³. Она имеет структуру, очень удобную для эконометрических исследований. Все страны ранжированы по оцениваемому качеству институтов в интервале значений от $-2,5$ до $+2,5$.

Таким образом, плохое качество институтов получает численно отрицательную оценку и тем ближе к $-2,5$, чем хуже качество. Наоборот, хорошие институты оцениваются положительным значением и тем ближе к уровню $+2,5$, чем они лучше. Знак коэффициента регрессии у интерактивного члена положителен. Это означает, что если институты хорошие, то к среднему показателю воздействия ренты добавится положительная величина, а если плохие – то отрицательная. Таким образом, «мультипликатор ренты» – полный прирост ВВП на один доллар увеличения рентного дохода – дифференцируется по странам в зависимости от уровня качества институтов (предпоследний столбец таблицы). Например, в Норвегии и ряде других экономик с хорошими институтами его значение превышает 2, а там, где институты плохие (Нигерия, Россия, Венесуэла или Узбекистан), – на уровне 1,5–1,8.

Какое же содержание имеет мультипликатор ренты? В первых, речь идет о долгосрочных эффектах, поскольку использована модель, основанная на перекрестных статистических данных. Эти эффекты складываются в течение ряда лет периода, достаточного для полного проявления этих эффектов. Рента может быть инвестирована в основной капитал в сферах производства и инфраструктуры, и, что, пожалуй, важнее – в человеческий капитал, т.е. сферы образования, здравоохранения, науки и культуры. Хотя эти расходы в советской экономической науке и статистике считались непроизводительными (например, труд в указанных секторах экономики), современная практика показывает, что именно такие инвестиции играют ключевую роль в достижении высокого уровня благосостояния и устойчивого экономического роста. Рента может использоваться и менее эффективно. В отличие от добытых нефти и газа, которые чаще всего в основном экспортируются, заключенная в них рента вполне может и не вывозиться, а использоваться на благо государства и общества. Но при плохом инвестиционном климате проявляется такой феномен, как бегство капитала, и часть

---

³ Познакомиться с методологией разработки индексов качества институтов можно на сайте Всемирного банка. URL: <http://www.govindicators.org>

ренды может вывозиться и инвестироваться за рубежом. Кроме того, в экономиках с плохими институтами большая часть ренты может идти на непроизводственное потребление элит.

Некоторые характеристики стран-производителей нефтегазовой ренты и эффективность ее использования в 2010 г.

Страна	ВВП по ППС на душу, % от США	Индекс качества институтов*	Рента на душу, тыс. долл.	Доля ренты в ВВП, %	Мультипликатор ренты**	Эластичность ВВП по ренте***
Азербайджан	32,3	-0,87	7199	46,0	1,683	0,774
Алжир	25,3	-0,76	3080	25,1	1,706	0,429
Ангола	14,3	-1,24	3165	45,8	1,603	0,734
Бруней	143,3	0,80	31412	45,3	2,040	0,925
Венесуэла	33,5	-1,64	3186	19,6	1,518	0,298
Египет	21,5	-0,11	1199	11,5	1,845	0,212
Ирак	25,9	-1,62	5301	42,4	1,522	0,645
Иран	31,9	-0,92	4566	29,6	1,672	0,496
Йемен	9,2	-1,07	1000	22,5	1,640	0,369
Казахстан	39,8	-0,62	5634	29,3	1,736	0,509
Катар	258,0	0,86	36101	28,9	2,053	0,594
Конго	11,2	-1,15	3488	64,3	1,623	1,043
Кувейт	164,4	0,54	41124	51,7	1,985	1,027
Ливия	61,4	-0,94	14912	50,2	1,668	0,838
Нигерия	10,4	-1,21	849	16,9	1,610	0,273
Норвегия	119,4	1,92	7582	13,1	2,280	0,299
ОАЭ	116,4	0,37	12204	21,7	1,948	0,422
Оман	97,3	0,67	19735	42,0	2,012	0,844
Россия	42,5	-0,77	3688	18,0	1,704	0,306
Саудовская Аравия	93,7	0,17	19540	43,1	1,905	0,822
Тринидад и Тобаго	59,5	-0,22	11240	39,1	1,822	0,712
Туркменистан	20,3	-1,45	3922	39,9	1,558	0,621
Узбекистан	8,5	-1,37	780	19,0	1,576	0,299
Экваториальная Гвинея	69,8	-1,50	17961	53,2	1,548	0,823
В среднем для всех нефтегазовых экономик	42,3	-0,03	3102	11,2	1,862	0,197

Источник: Всемирный банк.

*Индекс законности и правопорядка Всемирного банка ранжирован от -2,5 до +2,5.

**Показывает прирост ВВП в долларах в ответ на прирост рентного дохода на 1 долл. (расчеты автора).

*** Показывает прирост ВВП (в %) в ответ на прирост рентного дохода на 1% (расчеты автора).

Еще один фактор снижения эффективности использования ренты – субсидирование неэффективных секторов экономики. Например, в России через механизм заниженных цен на энергоносители и тарифы на производственные услуги немалая часть российской ренты поступает на поддержку неэффективных промышленных предприятий и других секторов экономики, которые иначе были бы убыточны [5–7]. Здесь проблема не только в том, что рентные субсидии не дают эффекта роста, но и в том, что у субсидируемых субъектов снижаются стимулы к инвестированию в новые технологии. Думается, наличие обширных ресурсов для такого рода субсидий воздействовало и на руководство страны, создавая иллюзию благополучия. В результате **коэффициент эффективности использования ренты в России составляет не 2,28, как в Норвегии, а лишь 1,704 – ниже среднего по миру.**

Рассмотрим также показатель эластичности ВВП по ренте (последний столбец таблицы), измеряющий процентный прирост ВВП в ответ на прирост ренты на один процент, т.е. важность ренты для обеспечения именно экономического роста. С одной стороны, он тем выше, чем больше мультипликатор ренты, но с другой, что оказывается более важным, он тем значительнее, чем больше зависимость экономики от ренты – ее доля в ВВП. Средний по всей выборке нефтегазовых экономик коэффициент эластичности ренты составляет около 0,2, а для стран с долей ренты в ВВП более 40% он принимает значения свыше 0,7. Для двух экономик – Республики Конго и Кувейта – данный показатель превышает единицу. О чем в данном случае говорит уровень эластичности ренты? Чем он выше, тем важнее для страны наращивать объемы добычи углеводородов, если она хочет поддерживать высокие темпы экономического роста.

Почему различаются уровни цен: престиж национальных валют. А «голландская болезнь?»

Еще одна переменная, входящая как регрессор в уравнение для душевого дохода стран, включенных в наши выборки, – уровень национальных цен относительно паритета покупательной способности, за стандарт которого обычно принимается средний уровень цен в США. Она имеет сильную положительную связь с доходом, а не отрицательную, как в динамической модели, где такое уравнение имело бы смысл функции спроса. В нашем случае

фиксируется долгосрочная зависимость, а в долгосрочном периоде страны с более высоким доходом позволяют себе иметь и более высокие цены. Но почему товары и услуги в разных странах продаются по неодинаковым ценам? С позиции простой теоретической модели, цены везде должны находиться вблизи ППС ввиду конкуренции и возможности «арбитража». Последний термин означает спекуляцию: можно купить товары там, где они дешевле, и продать там, где они дороже. Действие торговцев приведет к повышению цен в изначально дешевых странах и снижению – в дорогих. Поскольку спекулятивная деятельность требует расходования материальных ресурсов, то цены не будут выравниваться до полного совпадения, но должны различаться на торгово-транспортные издержки. Что-то добавляют и налоговая система, таможенные пошлины. Но даже с учетом этого реальный устойчивый во времени разброс цен между разными странами оказывается в разы больше, чем может предсказать такая теоретическая модель.

Наиболее популярный ответ на данный вызов теории – учет в модели эффекта Балассы-Самуэльсона, основанного на том факте, что спекулятивный арбитраж невозможен для товаров и услуг, называемых «неторгуемыми»⁴, которые никак не могут стать предметами международной торговли из-за нетранспортабельности, высоких издержек на перевозку или чисто национального характера (как, например, валенки в России⁵). К неторгуемым благам часто относятся и скоропортящиеся товары – продовольствие, производимое на месте и ценное своею свежестью. Если эти секторы в сравниваемых странах достаточно большие, это в какой-то мере объясняет устойчивость сильных различий цен в разных экономиках. Цены выравниваются не по всей совокупности товаров и услуг, а лишь по той группе, которая торгуется или может торговаться на международной арене. Цены же на неторгуемые блага зависят от доходов, получаемых в данном государстве. Чем они выше, тем больше и спрос на локальных рынках, а значит, выше и цены. Эффект Балассы-Самуэльсона может дать приемлемое объяснение устойчивым различиям в уровнях цен, их отклонениям от ППС и недооценке национальных валют стран с низкими доходами.

---

⁴ От английского non-tradable goods.

⁵ Возможно, мы ошибаемся. Кроме того, валенки, скорее всего, конкурируют с другими видами зимней обуви внутри страны.

К сожалению, не существует пока подготовленных и систематизированных статистических данных по доле неторгуемых благ в ВВП. Наши попытки использовать для указанных целей показатель доли услуг не увенчались успехом – он оказался плохой мерой. Очевидно, немалая часть услуг вполне торгуема, а среди товаров достаточное количество неторгуемых. Поэтому для регрессионной оценки уровня цен мы использовали другой подход: учли тот факт, что спрос на национальную валюту тем выше, чем желаннее для покупателей покупка товаров именно в данной стране, с одной стороны, и чем надежнее она как средство сбережения – с другой. Оба данных фактора тесно связаны с уровнями экономического развития, обеспечиваемыми институциональными условиями. Мы включили институциональную переменную в соответствующую регрессию. Значимость последней оказалось возможным повысить, включив в нее бинарную переменную *doec* (1 – для стран ОЭСР и 0 – для остальных экономик). Положительность коэффициента при ней свидетельствует, что национальные валюты стран этой организации имеют дополнительную привлекательность для покупателей, не объясняемую только хорошими институтами, что еще увеличивает спрос на них. Другая сторона «тяжелой» валюты – снижение конкурентоспособности национальных товаров и услуг. Но, как видно, для стран с высокими доходами, получаемыми за счет эффективной технологической структуры, данный фактор не важен: они успешно обеспечивают свою конкурентоспособность за счет высокой производительности труда и низкой ресурсоемкости.

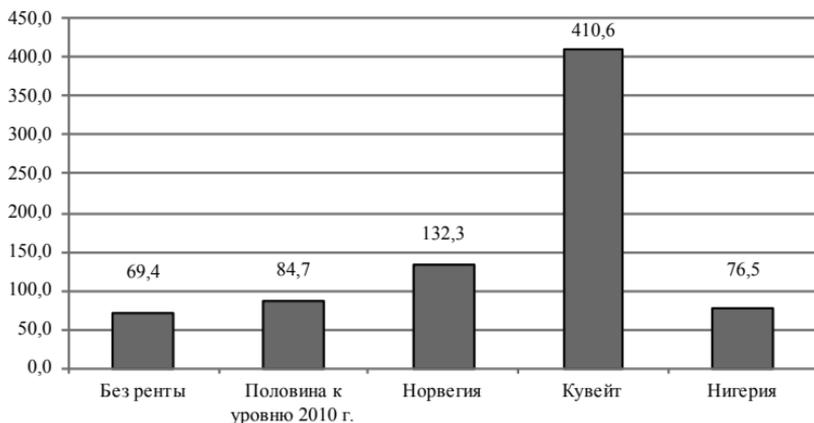
Использование в регрессии институциональной переменной полезно и в другом плане. Улавливая, по-видимому, весьма тонкую связь с реальным валютным курсом, она одновременно воздействует и на уровень экономического развития, поскольку переменная реального курса входит в регрессию для дохода. Значит, модель в целом учитывает, что повышение указанной переменной обуславливает и рост дохода. Таким образом, наша спецификация не предполагает, что между уровнями цены и дохода существует прямая причинно-следственная связь. Она исходит из того, что качество институтов способствует как относительному увеличению уровня цен, так и росту производства и доходов. И наш анализ подтверждает данное предположение.

Вместе с тем индекс качества институтов и бинарная переменная для стран ОЭСР играют в нашей регрессии хоть и полезную, но лишь вспомогательную роль контрольных переменных, «расчищая место» для переменной $rent \cdot rula$ – воздействие которой уже обсуждалось (регрессии для дохода). Ее значимость в данной регрессии может свидетельствовать о симптомах «голландской болезни». В нашем случае это так, правда, уровень значимости ее коэффициента несколько ниже остальных, но все равно вполне приемлемый. Если поверить данному результату, то получается, что приток в страну доходов, связанных с извлечением нефтегазовой ренты, может как снижать, так и повышать реальный обменный курс национальной валюты, оказывая воздействие и на конкурентоспособность экономики. Если институты плохи, то воздействие ренты заключается в увеличении цен, если хороши – в некотором снижении. Таким образом, производство ренты помогает дополнительно повысить конкурентоспособность в благополучных странах и снижает ее – в неблагополучных.

Можно ли утверждать, что мы диагностировали «голландскую болезнь», связанную с экспортом нефти и газа? Думается, достаточных оснований утверждать это все-таки нет. Даже если такого рода эффекты действительно имеют место, то речь может идти не о классической «голландской болезни», а всего лишь о некоторых ее проявлениях. Во-первых, воздействие интерактивной переменной на уровни цен в среднем очень незначительно (для России – лишь примерно 3,5% к текущему уровню 2010 г.), во-вторых, ни в одном случае оно не приводит к тому, что реальные обменные курсы становятся выше ППС, как это имело место в Голландии в 1960-е гг., после начала эксплуатации крупных газовых месторождений и роста экспорта газа. Кроме того, для корректной диагностики данной «болезни» требуется взглянуть на структуру цен и производства. К ее симптоматике относятся увеличение сырьевого экспортного сектора, подавление сектора, производящего блага, торгуемые на международных рынках, и рост цен на неторгуемые товары и услуги. Другими словами, такая диагностика требует специального комплексного анализа. В настоящее время большинство экспертов сходятся на том, что в российской экономике это явление если и присутствовало, то в незначительной мере.

А если бы в России ренты было больше? Но ведь теперь ее будет меньше!

Допустимо использование модели и для оценочных имитационных расчетов. Например, можно задаться вопросом, как при прочих равных условиях на уровень выпуска в России влияет объем произведенной ренты, который, в свою очередь, зависит от уровней добычи нефти и газа и цен продажи указанных ресурсов, скорректированных на издержки. Так, можно попробовать оценить воздействие снижения нефтяных, а, следовательно, и газовых цен на ВВП. При том уменьшении цены на нефть, которое мы наблюдаем и ожидаем, вполне уместно исходить из двукратного падения рентных нефтегазовых доходов. А что будет, если такая ситуация законсервируется? Модель дает ответ: падение ВВП в России может составить примерно 15% от уровня в году начала спада (рисунок), если другие условия не будут улучшаться.

Каким был бы уровень ВВП России
при соответствующем изменении душевого объема
производства нефтегазовой ренты по сравнению
с уровнем 2010 г., %

Не надо, конечно, ожидать слишком резкого падения производства, поскольку под текущий уровень выпуска уже имеются производственные мощности. Однако ситуация отягощена внешнеполитическими и внешнеэкономическими проблемами, которые хотя и не продлятся, скорее всего, слишком долго, но никак

не будут содействовать улучшению инвестиционного климата. **Если не произойдет серьезного продвижения по улучшению институциональных условий, промышленной политики, поддерживающих модернизацию и стимулы к инвестированию, то можно ожидать дальнейшего сокращения инвестиций, а, следовательно, деградации производственного аппарата.**

Если в одной из предыдущих статей мы писали, что «рента – это наше всё» [7], то теперь ситуация коренным образом меняется. Теперь «нашим всем» должны стать **меры по стимулированию и поддержке инвестиций и инноваций**, не обязательно самых «крутых» («чтоб наших знали!»), но могущих дать значимые всходы на российской почве. Привлечение технологий, уже хорошо освоенных и зарекомендовавших себя в странах, дальше России продвинувшихся по пути технологических укладов, – из этой сферы.

Где взять деньги, если рента кончается? Деньги идут туда, где появляются конструктивные идеи, обретающие формы грамотных и обоснованных бизнес-планов. Еще не израсходованы золотовалютные резервы, и использование части из них для докапитализации банков – мера правильная, хотя и недостаточная. Вывоз капитала из страны в 2014 г., по данным ЦБ РФ, превысил 150 млрд долл.⁶, что составляет около половины от общего фактического объема инвестиций в основной капитал. Не вызывает сомнений, что источником этих средств во многом является как раз рентный доход, но насколько вероятно повернуть этот поток вспять, хотя бы отчасти? Иностранные инвесторы тоже любят получать прибыль и охотно пойдут на финансирование российских проектов, если поймут, что риски снижаются. Правда, отмена санкций, которая могла бы облегчить как кредитование роста, так и приток иностранного капитала для его осуществления, требует определенных сдвигов «в общественном сознании» российских граждан – это если говорить на привычном нам языке. Думается, это придет с усилением боли. Был бы еще и катарсис...

Представленная гистограмма, как нам кажется, интересна и в другом гипотетическом, но любопытном плане: а где бы была Россия, если бы у нее совсем не было нефтегазовых ресурсов?

---

⁶Данные ЦБ РФ. Чистый ввоз/вывоз капитала частным сектором в 2005–2014 гг. URL: http://cbr.ru/statistics/print.aspx?file=credit_statistics/capital_new.htm&pid=svs&sid=itm_18710 (дата обращения: 09.04.2015).

Если верить нашей модели, мы тогда были бы почти на треть беднее. А если бы производство ренты на душу в России стало, как в Норвегии, – тогда даже при наших паршивых институтах мы были бы на треть богаче. Если бы природа одарила каждого россиянина углеводородным богатством на уровне счастливых граждан Кувейта, этот россиянин был бы вчетверо богаче, чем сейчас. И, возможно, чуточку счастливее. Хотя загадочная наша душа не позволяет утверждать это наверняка.

Как нам кажется, наши результаты не противоречат выводам других авторов, поддерживающих гипотезу «условного ресурсного проклятия». Рента, получаемая за счет добычи углеводородов, оказывая благотворное влияние на развитие счастливых обладателей этих запасов, вместе с тем не всегда используется максимально эффективно. Эффективность же зависит от институтов: если они хорошего качества, то экономика получает большую отдачу, если плохого – меньшую, что может сказываться и на экономическом росте (см. мультипликаторы ренты в таблице), но неоднозначно. Для ресурсозависимых стран важнее оказывается наращивание добычи нефти и газа, чем для менее зависимых.

Может ли рента способствовать ухудшению качества институтов?

Факт, что рента концентрированных ресурсов может оказывать негативное действие на институты, не считается доказанным. Но определенные свидетельства этому приводятся разными авторами, которые, впрочем, формулируют свои выводы не слишком жестко. В работе В. Полтеровича, В. Попова и А. Тониса [8] ее авторы, основываясь на достаточно убедительных теоретических моделях, демонстрируют значимое негативное влияние этих показателей на индексы качества институтов Всемирного банка. Есть и подтверждение теории условного проклятия для институтов: существует институциональный порог влияния ресурсной обеспеченности, ниже которого ресурсное изобилие еще больше ухудшает качество институтов, а выше – способствует их улучшению [9].

В том же стиле выполнили регрессионный анализ и мы, но несколько иначе, чем упомянутый автор. Он просто разделил выборку на две части – одну для хороших, другую – для плохих институтов, выделенных по критерию, предложенному

Всемирным банком. Мы же не стали дробить выборку, а просто использовали в регрессии интерактивную переменную, но немного другую, чем в предыдущей модели: $rent \cdot rula96$, где $rula96$ – индекс законности и правопорядка, но не текущий, а взятый с максимально возможным временным лагом – для 1996 г.

$$rula = 2,88 \cdot rent \cdot rula96 + 1,77 \cdot doec - 0,32 \cdot dcis + 0,83 \cdot deee - 0,46$$

(***)   (***) (**)   (***) (***)

Ординарный метод наименьших квадратов для оценки регрессий с использованием стандартных ошибок в форме Уайта

Здесь $doec$, $dcis$ и $deee$ – бинарные переменные для групп стран, различающихся институциональными условиями – старых членов ОЭСР, бывших советских республик (без государств Балтии) и восточноевропейских стран, также бывших когда-то социалистическими. Использование для институциональной переменной в качестве регрессора институциональной же переменной с временным лагом – вполне законный прием, если лаг достаточно велик. Тогда проблема эндогенности регрессора в общем снимается. По той же причине мы предпочли использовать в модели не переменные дохода, а бинарные переменные для групп стран.

Построенная регрессия допускает, что под воздействием притока ренты институты могут как улучшаться, так и ухудшаться. При этом улучшение происходит, если они уже достигли определенного уровня качества ($rula96 > 0$) в предыдущий период времени; в противном случае приток ренты может способствовать ухудшению текущего качества институтов. В чем причина? Почему они могут улучшаться, мы уже упоминали: рост налоговых сборов, а, следовательно, доходов государства, позволяет увеличить предложение общественных благ. К последним относятся инфраструктура, оборона, образование, здравоохранение, наука и многое другое, полезное для общества. А также качество экономической политики, улучшение законодательства, укрепление судебной системы, арбитража и контроля за исполнением законов и вообще существующих правил жизни. Все это само по себе улучшает институциональные условия, но также и способствует формированию и развитию гражданского общества – ключевого фактора развития институтов. А что такое природная рента, кроме того, что она есть дар Божий? Конечно, в значительной степени – доходы государства, которые тратятся на благо общества, если только они не разворованы, не растрочены впустую для предоставления субсидий неэффективным секторам экономики или раздувания бюрократического аппарата.

Почему они могут ухудшаться – повторим также очень кратко одно из важнейших объяснений: если институты плохи, и государство не способно контролировать, как расходуется рента, то может усилиться борьба за ренту между элитами страны. По версии уже цитировавшейся выше книги В.В. Шмата, как мы это поняли, в разложении институтов активную роль играет также иностранный капитал, этой рентой привлеченный. Так, он пишет: «Иностранному бизнесу, обычно представленному крупнейшими корпорациями, выгоднее платить “частную ренту” какому-либо диктатору и отдельным окол властным и этническим элитам ...нежели отдавать справедливую долю ренты действительно независимому демократическому государству с эффективными институтами общественного контроля власти» [2. С. 422].

Но оговоримся снова: в любом случае совокупное воздействие производимой ренты по всем каналам оказывается положительным.

Литература

1. The Changing Wealth of Nations. Measuring Sustainable Development in the New Millenium. The World Bank, Washington DC, 2011. – 242 p. URL: <http://issuu.com/world.bank.publications/docs/9780821384886> (дата обращения: 05.05.2015) .
2. Шмат В. В. Нефтегазовый цугцванг. Очерки экономических проблем российского нефтегазового сектора. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2014. – 524 с.
3. Acemoglu D., Johnson S., and Robinson J. A. The Colonial Origins of Comparative Development: An Empirical Investigation // American Economic Review. – 2001. – Vol. 91. – P. 1369–1401.
4. Цыплаков А. Экскурс в мир инструментальных переменных // Квантиль. – 2007. – № 2. – С. 21–48.
5. Gaddy C. G., Ickes B. W. Resource Rents and the Russian Economy // Eurasian Geography and Economics. – 2005. – Vol. 46. № 8. – P. 559–583.
6. Икес Б., Гэдди К. Сможет ли Россия слезть с «сырьевой иглы» // Pro et Contra/ – 2011. – Сент. -окт.
7. Суслев Н. И. Рента – это наше всё // ЭКО. – 2012. – № 6. – С. 81–93.
8. Полтерович В., Попов В., Тонис А. Экономическая политика, качество институтов и механизмы ресурсного проклятия. – М.: ГУ ВШЭ. – 101 с.
9. Чистяков Е. Природные ресурсы, коррупция и обрабатывающая промышленность в малой открытой экономике // NES Master Thesis. – 2006.